

safari
Х Борис
Херсонский
с а ф а р и

Одесская Интеллигенция

*Картины, вступление, статьи
Александра Ройтburда*

Харьков
«ФОЛИО»
2018

Это было так давно, что Одессу еще не переименовали в пгт Одессочка по предложению официального историографа (или порнографа? вечно я все путаю) города художника Краснобородера. Впрочем, позднее все книги по истории Одессы были запрещены чрезвычайной комиссией по охране нравственности и укрепления скреп как произведения порнографические. Еще позднее пгт Одессочка в свою очередь был переименован в «Восьмой Километр» и официально зарегистрирован как пригород Седьмого Километра.

Но то, о чем я пишу, было давно, и все события, о которых я сейчас упоминаю, тогда еще не произошли. А может быть, вообще не произошли. Сейчас это уже трудно себе представить.

На ЖД вокзал регулярно прибывают бронепоезда из Санкт-Путинбурга, крейсер «Смотрящий» стоит на вечном приколе в бывшем одесском порту, а его моряки — вечные приколисты разбредлись по контейнерам, где у них есть постоянная работа. Московская Диссидня, по слухам, давно впала в маразм или (что вероятно) просто притворяется. А Одесская Гэбня, по слухам, жива-здоровая, но живет по поддельным документам и имеет гражданство большинства стран мира.

Кроме слухов, никаких источников информации у нее уже нет.

Это было так давно, что к Одесскому ЖД вокзалу был пристроен только один минарет, а в Городской думе заседали люди, а не их домашние питомцы.

Это было так давно, что в партере Одесского оперного стояли кресла, обитые красным бархатом, а не ресторанные столики, а в оркестровой яме еще не был устроен плавательный бассейн.

Теперь этого времени уже почти никто не помнит.

Но нет! Кто-то все же помнит. Это я. Правда, воспоминания мои отрывочны и смешаны с образами сновидений. Но что имеем, то имеем. Итак...

* * *

Мне приснился человек в строгом сером костюме с круглым черным значком с багровым профилем Ленина. — Разрешите представиться! — сказал он и показал мне маленькую красную книжечку. Я предложил ему присесть, и он присел, но не на антикварное кресло, а рядом с ним, и все время разговора сидел орлом, кроме того он закурил сигарету «Прима» — я узнал эту пачку! — и периодически стряхивал пепел и сплевывал на туркменский ковер начала XX века.

— Я пришел к вам передать прощальный привет от Майора Валерьевича, — сказал мой гость.

— Вы имеете в виду Меера Вольфа? — спросил я.

— А для чего вам знать, кого я имею в виду? Лишняя информация вредна. Повторяю — я привез вам прощальный привет от Майора Валерьевича.

— Он что, умер? — спросил я.

— Мы никогда не говорим «умер», — жестко сказал гость.

— А как вы говорите?

— Мы говорим: «Навсегда скрылся от наружного наблюдения».

— Понял, — сказал я и проснулся.

В комнате стоял густой запах табака с примесью серы. На ковре был рассыпан пепел от сигареты. Более того, пустая пачка «Примы» валялась тут же. На столике в стиле ро-ко-ко-ку-ка-ре-ку лежали две папки. В одной было мое оперативное дело из Углового Здания, в другой — моя история болезни из Третьего Отделения Одесской психушки, исписанная витиеватым архаичным почерком доктора Бенкендорфа. Кроме того, стол был завален карточками, на которых когда-то я записывал свои сны почерком, который далеко не всегда мог разобрать.

Да, забыл сказать — я ведь давно сошел с ума, и не от нарушения обмена нейротрансмиттеров, а от любви, и не к кому-нибудь, а к Одесской Интеллигенции.

* * *

1. Я — сумасшедший. Но сошел с ума не от избытка дофамина в синапсах головного мозга, а от любви, и не к кому-нибудь, а, ну, вы уже знаете к кому.

2. Одесская Интеллигенция — молодящаяся дама, склонная к полноте, от природы кудрявая и страстная. Ее мама — Одесса, папа неизвестен, ибо мама та еще... Сама О.И. считает, что ее папа — Исаак Бабель, который во всем признался перед расстрелом. Любит черноморскую тюльку и овечью брынзочку. Меня же — ненавидит, непонятно за что. Считает, что в моих стихах есть только секс и насилие, а также — менторский тон.

Да! Никогда не расстается с муфтой из трех хвостов чернобурки и китайским веером из красных шелков, где золотом вышиты осы, цветы и драконы.

3. Одесса — жемчужина у моря. В городе есть всего несколько зданий, заслуживающих упоминания, — Угловое Здание на углу

улиц Бабеля и Бебеля, бар «Красный уголёк» и здание Городского Полуподвального Клуба. Говорят, есть еще Потемкинская лестница, но где она?

4. Одесская Литературная Общественность — близняшка и лучшая подружка (одновременно — злейший враг) Одесской Интеллигенции. Меня ненавидит за то, что я выкладываю много стихов в ФБ. Как и Одесская Интеллигенция, считает, что в моих стихах нет ничего, кроме секса и насилия... Собственно, а в жизни что еще бывает?

5. Майор Валерьевич — следователь по особо несуществующим делам Углового Здания. Он же — Меер Вольф. Репатриировался в Новый Иерусалим, где навсегда скрылся от наружного наблюдения. Обычно является во снах, бреду и воспоминаниях.

6. Одесская Гебня — лучшая подружка Майора Валерьевича. Старается быть незаметной, но все замечать. У нее какие-то странные отношения с Московской Диссидней, вечно они друг над другом подшучивают и друг друга подначивают. При этом Гебня все время одалживает у Диссидни интересные книжки и не возвращает.

7. Одесская Агентура — очаровательная соблазнительница, реинкарнация Афродиты. По привычке восстанавливает девственность после каждого омовения. Ласкать уже невмочь, а отказать трудно... И даже невозможно. Носит черные кружевные чулки с черной подвязочкой и... нет, не помню, что она еще носит, скорее всего — ничего. Параллельно — законная супруга Меера Вольфа (Майора Валерьевича) по закону Моисея и обычаю Израиля с соблюдением правил МОССАДа.

8. Дачный участок. Глубоко законспирированная местность, где в окружении жены Люси и трех котов скрывается от наблюдения главный герой.

9. Седьмой Километр — исторический центр Одессы. Находится под особым покровительством бога торговли Гермеса. Каждое утро у храма Гермеса совершается торжественное идолослужение, среди католиков известное как «месса у Гермеса». Состоит из контейнеров и складов. ·

10. Одесская вата (или просто — вата). Первоначально — сахарная вата, которую Одесская Фарца продавала влюбленным в Городском саду на заре своей коммерческой деятельности. В настоящее время — расплывчатые убеждения, которые сводятся к тому, что где-то есть страна Пиндосия, от которой все беды, и некий русский мир, который спасет всех от всего. К этому добавляется надежда, что «скоро придут наши», но кто такие «наши» и когда и куда именно они придут, неясно. В этом и только в этом смысле «Одесская вата бела, пушиста, но страшновата». При звуках бандуры, которую Вата обычно путает с Бандерой, а Бандеру с городом Бендеры, впадает в транс. Склонна к сочинению поэтических текстов, из которых самый известный «Все, кто ходят в вышиванке, пусть поедут в русском танке».

11. Друг. Самый элегантный и даже изысканный персонаж данных записок. Появляется часто. Его неизменные атрибуты — широкополая фетровая шляпа с георгиевской лентой, длинный плащ-макинтош, трость с серебряным набалдашником. Имеет пристрастие к коньяку «Бисквит» и гаванским сигарам, которые в его руках иногда превращаются в ракеты, на которых мы летаем на Остров Свободы навестить наших друзей, братьев Кастро — Фиделя и Рауля. Часто говорит, что улетать нужно срочно, поскольку здесь они не оставят нас в покое, при этом заговорщически улыбается, кивая в сторону Углового Здания.

12. Братья Кастро, оба, Фидель и Рауль, исторические персонажи, мои друзья, с которыми мы, правда, редко видимся. Выращи-